

и животных. В настоящее время все находки описаны и дополнили коллекции Института экологии растений и животных УрО РАН. Они послужат делу изучения древних животных, уточнению их распространения в плейстоцене в районе реки Ницы.

Две проведенные экспедиции позволяют сделать следующие выводы:

- в атмосфере экспедиционной жизни дети более эффективно воспринимают полученную информацию, которая знакомит их с историей, географией, биологией и экологией родного края;
- во время экспедиции дети получают навыки жизни в походных условиях, работы в коллективе;
- начинают понимать романтику путешествий, ценить человеческое тепло, ощущать значимость понятия Малая Родина;
- понимают значимость работы учёных (археологов, историков, палеонтологов) не только в мировом, но и территориальном отношении;
- учатся терпеливо и упорно добиваться достижения поставленной цели не только перед каждым из участников, но и перед всей экспедицией.

А. В. СЛЕПУХИН, Н. Ю. БЕРДЮГИНА, М. Ю. ДЁМИНА

Этнографические экспедиции на Северном Урале

Коллектив нашей компании три года назад начал этнографическую экспедицию по исследованию небольшого коренного народа Урала — манси. К сожалению, в Свердловской области осталось совсем немного представителей этого когда-то многочисленного народа. Жаль, но мы сталкиваемся с угрожающим положением манси. Они неизменно теряют навыки лесной жизни, старики покидают этот мир, унося с собой секреты народа, не имея будущего. Цивилизация наступает, поглощая манси и их мир. Исчезают люди — исчезает культура. В скором времени в тайге трудно будет найти их традиционные лабазы — сумьяхи, родовые знаки на деревьях — катпосы и многое другое. Культура и люди, которых мы начали изучать, оказались очень интересными. За три с небольшим года мы смогли добиться очень серьёзных результатов, организовав и осуществив десять экспедиций с «мансийской тематикой» в разные уголки Северного Урала.

Вот некоторые результаты нашей работы.

Во время первой экспедиции, осуществленной зимой, в феврале 2004 г., мы познакомились с несколькими представителями манси, записав множество рассказов, сказок, «отсняв» фотоархив нескольких семей. Вторая экспедиция была организована в начале июня этого же года. Цель —

исследовать покинутый посёлок Суеватпауль. Оттуда мы привезли очередную массу фотографий и ощущения «таинственности» этого народа. Именно в этом нежилом поселении (пауле) мы увидели настоящие мансийские избы с традиционным камином — чувалом, ледником, врытым в склон холма и др. Это ещё больше подстегнуло нас к проведению дальнейших этапов экспедиции. Третье путешествие состоялось ещё через месяц. Во время этой экспедиции был исследован Пакин-пауль, маленький поселок на одной из горных рек (река Пома вытекает из одноимённого озера), где проживают ещё три мансийские семьи. С самого начала нашим основным партнёром по исследовательской работе был и остаётся краеведческий музей города Североуральска, с которым мы и продолжаем наши исследования. Следующие две экспедиции подразумевали длительное путешествие на Север Урала.

Итоги таковы:

1. Мы пересекли часть хребта Поясовый Камень и добрались до хребта Маньпупунёр. Это загадочное место не только для манси, но и для всех путешественников.

2. Параллельно мы познакомились с природой ещё одного района Северного Урала, завораживающего и притягивающего к себе.

3. Продолжились съёмки собственного фильма, начатого ещё в начале 2004 г.

4. Было отснято более восьмисот фотографий для выставки.

5. Мы познакомились с ещё несколькими представителями манси.

6. Наша группа осуществила экспедицию совместно с киностудией Свердловской киностудии (руководитель Вячеслав Петухов), с которой снимали документальный фильм «По следам Михаила Заплатина». Надеемся, что у нас будет возможность и в дальнейшем также плодотворно поработать совместно.

7. Мы подготовили ряд маршрутов для дальнейших исследований и для туристов, которые согласятся увидеть и познакомиться с нашими этнографическими турами.

В рамках экспедиции мы смогли провести две конференции по итогам наших исследований в гг. Североуральск и Верхняя Пышма. Также в течение 2004—2007 гг. были проведены несколько лекций и бесед по итогам экспедиции «Манси — лесные люди».

Очень большую роль в нашей этнографической работе мы уделяем сбору и созданию фотоархива мансийских семей, пытаясь проследить судьбу народа на конкретных примерах каждого из манси, а также целых родов.

Это кропотливая работа позволяет провести исследования по генеалогии свердловских манси.

Шестая экспедиция состоялась в январе 2005 г. Мы снова выехали на север области в Ивдельский район, где поработали с Анной Кирилловной Хандыбиной, собрали очередную порцию фотографий из личных архивов манси.

Седьмой этап был задуман как поиск заброшенного погребения манси на Ходовом перевале Главного Уральского Хребта в рамках маршрута «Траверс Уральского Хребта». В состав экспедиции вошли заинтересовавшиеся этнографией этого народа туристы из разных городов Свердловской области. Экспедиция обыскала большой участок в указанном районе, но всё было тщетно. Мы не смогли найти наш объект. Но зато смогли посмотреть часть огромной страны Манси-ма.

Восьмая экспедиция. Мы со Светланой Ивановной Литосовой, директором краеведческого музея в Североуральске, смогли снова вырваться на реку Пому в Пакин-пауль. Эта поездка была в чём-то не очень удачной, но были и большие успехи.

Ещё одно путешествие состоялось в январе 2007 г. Нами был исследован ещё один из участков реки Пелым, состоялось знакомство с ещё несколькими представителями народа манси, собраны фото- и видеоматериалы, найдены несколько орудий труда и ритуальных вещей (экспонатов экспозиции), собран богатейший исторический материал.

В июле 2007 г. проведена этнографическая экспедиция с участием американских любителей этнографии уральских народов. Был пройден маршрут по одной из северных рек — Лозьве с посещением одного из сохранившихся мансийского пауля — Тресколье (Керасколя).

Последней экспедицией к манси стал январь 2008 г. Был собран этнографический и краеведческий материал пос. Пелым, Массавы, Вершина, фотоархив нескольких семей манси, привезена часть фетиша для проведения ритуальной практики.

В течение всего промежутка 2004—2007 гг. созданная нами выставка фотографий и экспедиционных «находок» — экспонатов нашего собственного музея — экспонировалась в городах Свердловской области: Североуральск, Пелым, Первоуральск, Верхняя Пышма, Екатеринбург. Было прочитано несколько десятков лекций по результатам наших экспедиций. Собран значительный по объёму фотоархив экспедиционных фотографий и семейных фото манси.

В результате наших изысканий у нас появилась возможность при проведении любых маршрутов на Северном Урале (спортивных, экспедиционных, экскурсионных, этнографических) показывать и рассказывать об истории коренного населения одного из уральских народов, создать специализированный этномаршрут, накопить значительный этнографический и краеведческий материал, собрать внушительный фотоархив.

А. В. СЛЕПУХИН, Н. Ю. БЕРДЮГИНА

Дольмены Среднего Урала: поиск, исследования, результаты

О дольменах на Урале в последнее время много говорят и пишут, однако по-настоящему сведений об этих уникальных памятниках нет практически никаких. Впервые известия о наличии этих сооружений появились в 2001 г., хотя ещё пятьдесят лет назад их стал замечать краевед А. А. Бодрых из Верхней Пышмы во время охотничьих вылазок на территорию верхнепышминского района. Первоначально речь шла о небольшом количестве этих дольменов, не превышающем десятка. Но за последние два года нашей исследовательской группе, состоящей из коллектива туристической компании «Команда Искателей Приключений» и добровольцев, удалось найти и описать около 150 дольменов и других мегалитических памятников на территории сразу же нескольких административных районов Свердловской области.

Задача, с которой мы столкнулись, оказалась довольно непростой, т. к. площадь обследуемой территории огромна, значительно видоизменена и требует внимательной поисковой работы. В процессе поиска мы смогли выявить несколько форм мегалитических памятников: менгиры и стеллы, каменные круги, каменные коридоры, дворики и собственно дольмены

При этом в течение долгого срока мы не могли выявить хоть какие-либо признаки закономерностей их расположения¹.

До сегодняшнего момента поиск или разведка памятников были ориентированы на водные артерии, возле которых и находили основные археологические объекты. В лесной же зоне на обширной площади и не предполагалось наличие подобных памятников. Однако в случае со среднеуральскими дольменами оказалось не всё так просто. Нами не было выявлено жёсткой «привязки» дольменов к рекам, несмотря на достаточную близость к ряду небольших рек в области расположения дольменов. Часть из них вообще расположены на склонах холмов, увалов или небольших

вершин, не имеющих в непосредственной близости водных источников. Хотя несколько пар дольменов установлены неподалёку от небольших речушек или на берегу озера (дольмен № 1, 9, 11, 12, 33 и № 34).

Дольмены располагаются шестью крупными группами в сочетании с несколькими десятками одиночных дольменов. В ряде случаев мы можем отметить парность дольменов, причём удаленность парного дольмена не превышает полутора сотен метров. Случай, когда у одиночного дольмена нет «пары» может не свидетельствовать об отсутствии «парного» сооружения. Скорее можно утверждать, что территория менее исследована, других памятников пока (!) не найдено, либо можно утверждать, что в результате антропогенной деятельности часть памятников могла быть утрачена. Так, в частности, мы можем с большей достоверностью утверждать, что в результате лесоразработок был раздавлен дольмен № 8, парный дольмену № 7, и находящийся в плачевном состоянии. Его описание, ориентировка по сторонам света, выявление особенностей невозможны. Таков же итог и с дольменом № 29. Его верхняя крышка была вывезена местным жителем, вертикальные стенки сломаны.

Для подтверждения принципа парности установки дольменов необходимы дальнейшие поиски дольменов, хотя этот принцип подмечен нами во всех местах «скопления» дольменов.

Ещё одной важной особенностью, отмеченной нами, оказалась ориентация по сторонам света. Так, нами было выявлено, что часть из них направлена лицевой стороной (вход в камеру) на южное направление (юг или юго-запад, реже юго-восток, чаще азимут 240 гр), тогда как парные «южным» дольменам имеют «северную» ориентацию. Таким образом, можно подчеркнуть, что некоторые парные дольмены имеют «зеркальное» расположение по отношению друг к другу.

Большая часть из найденных памятников имеет курганоподобную заднюю часть, но есть несколько дольменов вообще не имеющих выраженного кургана. Правда этот факт может быть интерпретирован особенностями местности и расположения объекта. Так, дольмены № 38 и № 39 не имеют курганов, но располагаются на склонах увала и холма. Очень часто позади обследованных дольменов имеются заросшие ямы разных размеров (чаще левее, хотя это не обязательно), реже перед дольменами. Их предназначение пока неясно, но вполне возможно, что часть грунта была использована для подсыпки кургана, либо они были выкопаны во время вторичного (или дальнейшего) использования дольменов.

Особый интерес представляют дольмены № 10, 13, 14 и др., имеющие в своём строении дополнительные камни, установленные перпендикулярно длиннику дольмена. Их назначение неясно, но очевидно, что просто их «поддерживающая» функция вертикальных стенок дольмена несостоятельна. У некоторых дольменов подобные дополнительные камни очень внушительных размеров, что явно подчёркивает их важную роль.

Кроме того, мы хотели обратить внимание на дольмен № 110 не имеющий пока аналогов из-за необычного построения, а также несколько дольменов, имеющих явно выраженное навершие из крупных или массивных плит (дольмен № 77 и др.)

По размерам на сегодняшний момент мы можем разделить лишь на массивные, крупные и небольшие дольмены¹. Часть объектов имеют явно «мегалитичные» размеры, другие же совсем скромные. Из всех дольменов нам хотелось бы выделить:

— дольмены № 5 и № 6 имеют явно мегалитичные размеры и собственно к понятию «уральские дольмены» имеют лишь опосредованную «близость и схожесть» (нами эти объекты включены в общий список дольменов лишь для дальнейшего исследования и выяснения их предназначения), и больше похожи на крытые галереи или систему перпендикулярных коридоров. Один из них был исследован в сентябре этого года В. Д. Викторовой.

Дольмен № 7 из-за его высоты; его надземная часть составляет более полутора метров. Дольмен № 22 имеет каменную ограду по периметру по принципу двора из валунов больших размеров и веса. Дольмен № 37 характерен преобладающей шириной над его длиной (за длину взят длинник камеры). Совсем небольшие габариты имеют дольмены № 30 и 28 — их высота в надземном состоянии не превышает тридцати сантиметров. Камера таких сооружений вообще мала.

Возможно, что размеры памятников не играют особой роли, но, вполне вероятно, что построение определённых дольменов было связано с какой-то целью, но это возможно выяснить только проведя обширные поисковые (сравнительные) работы, а также раскопки наиболее интересных объектов¹.

По построению дольмены мы пока разделили на плиточные, которые состоят лишь из нескольких крупных плит (дольмены № 36 и 37) и составные из большого числа небольших камней (дольмены № 3, 7).

Мы нашли семь дольменов, которые имеют явные деревянные венцы вторичного использования или же следы небольшого земляного вала, вполне возможно образованного за счёт ранее установленных венцов.

Неоднократно мы сталкивались также и с другими косвенными признаками вторичного использования данных построек. Вторичное (а точнее многократное) использование уже имеющегося строения вполне логично, и является обычной ситуацией, в особенности принимая во внимание доступность объектов, их «открытость», а также не настолько большие размеры.

Учитывая большую площадь расположения дольменов мы утверждаем, что это не единичные строения, сохранившиеся в столь развитом промышленном районе, их на этой территории было гораздо больше, что возможно мы и докажем в ходе последующих поисков. Так мы планируем зафиксировать ещё десяток дольменов, найденных нашей группой.

Среди найденных памятников есть те, что привлекают особое внимание. Остановлюсь на некоторых из них:

- отдельно мы выделяем дольмен № 22 за его каменную стену двора вокруг сооружения,

- возле дольмена № 13 нами осмотрена «землянка» (условное название). Она образована за счёт сдвинутой верхней плиты каменного останца и подставленных камней-стенок. Плита имеет округлую форму с радиусом в полтора метра. Образованная верхней плитой, боковыми стенками и оставшимися плитами останца полость имеет форму полумесяца. Её наибольшие внутренние размеры: 2,5 метра на 2, высота «землянки» на входе 1,1 метра. Внутри верхняя плита удерживается за счёт деревянной балки, установленной не так давно. Когда, кто и для чего сформировал это жилище пока ответить затруднительно. Единственное, что мы можем на сегодняшний момент подчеркнуть: в двух метрах от этого объекта расположен дольмен № 13, вполне возможно имеющий непосредственную связь с «землянкой»,

Визуальный осмотр дольменов в районе Щитовского озера позволяет сделать вывод о древности этих сооружений. Данная культурная традиция идентична европейским дольменам. Следует, безусловно, учитывать, что специфика материала (каменные плиты) может вызывать независимое появление сходных архитектурных форм. Однако в данном случае отчетливо видны черты, отсутствующие в кавказских дольменах и характерные для западноевропейских.

В частности, дольмен № 9 имеет вход, расположенный в перекрытии, что находит прямые параллели в Западной Европы (top-entrance) и датируется около 2850 г. до н. э. в некалиброванной системе дат. Дольмен № 22 имеет вход в верхней части передней стенки (half-height front-en-

trance), что находит те же параллели и имеет дату около 2800 г. до н.э. В калиброванных значениях эти параллели дают даты соответственно 3590 и 3530 гг. до н. э.²

На настоящий момент всё больше открывается на Урале новых памятников мегалитических культур, что вызывает особый интерес. Так, нас чрезвычайно интересует возможность проследить возможные параллели (или какую-то взаимосвязь) с культурными памятниками, найденными на острове Веры, на озере Тургояк. В ходе исследований совместно с археологами С. А. Григорьевым и Л. В. Ивасько, имеющих опыт работы с мегалитическими сооружениями озера Тургояк³, можно предположить, что мы имеем дело с крупным культовым центром значительной территории⁴.

Дольмены Пышмы являются древними объектами, датируемыми, по мнению челябинских ученых, III тысячелетием до н. э. Начало появления этой традиции на Урале относится к первой половине этого тысячелетия. Вместе с объектами Тургояка пышминские дольмены относятся к мегалитической традиции. Наиболее вероятной является связь этой традиции с западноевропейской, однако установить характер этой связи в силу скудости археологических материалов в настоящее время не представляется возможным. Пышминские дольмены, вероятно, являются погребальными памятниками. Более чем вероятно обнаружение значительного числа подобных объектов вдоль восточных склонов Урала, по таежным увалам. Однако уже в настоящее время можно утверждать, что восточные склоны Урала наравне с Европой, Великобританией, Северной Америкой являются еще одним районом распространения мегалитической традиции.

¹ Васина Ю. В., Григорьев С. А. Мегалитические сооружения на озере Тургояк в Южном Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2004. С. 30–33.

² Григорьев С. А., Ивасько Л. В. Акт историко-культурной экспертизы выявленных культурно-исторических комплексов в районе г. Пышма в Свердловской области // Екатеринбург, 2006.

³ Григорьев С. А., Меньшенин Н. М. Мегалитические сооружения острова Вера на озере Тургояк в Южном Зауралье // Изв. Челябинского науч. центра. 2004. Вып. 1. С. 208–213; Малышев М. Ровесницы пирамид // Аргументы и факты. Урал. 2007. №30. С. 4.

⁴ Орлов И. Время собирать камни // Рос. газета. 2007. № 185. С. 17; Слепухин А. В., Бердюгина И. Ю., Григорьев С. А., Ивасько Л. В., Галин С. С. Мегалитическая

традиция на Урале и проблема пышминских дольменов // Изв. Челябинского науч. центра. 2006. № 33. С. 114–118; Слепухин А. В., Бердюгина Н. Ю. Наследие предков // Уральский следопыт. Екатеринбург. 2006. № 9.

Е. Н. ШУМИЛОВ

Красноуфимские «вогулы»:

происхождение, расселение, численность

Проблема красноуфимских «вогулов» привлекала к себе внимание исследователей уже в XIX в., однако не была ими разрешена. Вместе с тем, даже официальные источники того времени с большим недоверием относились к этой группе нерусского населения, не считая их вогулами, а именно «так называемыми вогулами». Действительно, к настоящим вогулам (манси) они не имели никакого отношения, а происходили из верх-бисертских крещенных ясачных татар.

Первая попытка крещения верх-бисертских татар была предпринята в начале XVIII в., но окончилась неудачей¹. Хотя всё же какая-то часть их приняла «учение Христа». С постройкой в 30-е гг. XVIII в. на Московском генеральном тракте Кленовской крепости (заставы) этих татар перевели туда и стали называть «новокрещенными».

В 1800 г. ясачные «новокрещенные татары» (39 лиц обоего пола) проживали в «Кленовской крепости, село Николаевское тож», где населяли семь дворов (основным населением крепости являлись русские — 584 чел.). Еще пять «новокрещенных татар» проживали в деревне Талица, расположенной на одноименной речке, при тракте. Таким образом, общая численность «новокрещенных татар» составляла 44 человека. В отличие от русских жителей крепости, занимавшихся хлебопашеством, скотоводством, извозом и работой на заводе, «новокрещенные татары» промышляли «звериной ловлей», а хлебопашеством занимались мало. Существовало еще одно различие — русские входили тогда в состав Кленовской волости, а новокрещенные, наряду с ясачными татарами и марийцами — в Кантугановскую волость².

К 1834 г. в Кантугановской волости проживали уже 126 ясачных «новокрещенных татар» (62 мужчины и 64 женщины), носившие фамилии Копылов, Чистяков, Феденев, Кочнев, Мешавкин, Иакоряков. Правда, среди них были и «бесфамильные»³. После перевода в 1834 г. верх-бисертских татар (мусульман) и марийцев из разряда ясачных крестьян в оброчные «новокрещенные татары» каким-то образом сумели убедить власти в том,